

Т. А. ТОШТЕНДАЛЬ-САЛЫЧЕВА

ГАРМОНИЯ ЛИЧНОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО В ТВОРЧЕСТВЕ БИРГИТТЫ УДЕН

В статье впервые предпринята попытка комплексного анализа творческой биографии и общественной деятельности крупного шведского историка, почетного профессора Лундского университета Биргитты Уден. Автор опирается как на многочисленные научные и публицистические труды историка, так и на личные беседы с ней.

Ключевые слова: *Биргитта Уден, шведская историография, междисциплинарность, историк и общество, социальная функция истории.*

Шведский историк Биргитта Уден (Birgitta Odén) – ученый европейского масштаба. Кроме Шведской королевской академии литературы, истории и древностей (Kungliga Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien), она состоит членом Европейской (Academia Europaea) и Финской академий. (Suomen akatemia)¹. Для Швеции фигура «grand old lady» исторической науки, как называют Б. Уден, – особая. В 1965 г. она первой из женщин страны получила кафедру ординарного профессора истории, став при этом и первой женщиной – профессором Лундского университета. Уден – почетный доктор теологии Лундского университета, в котором занимала также пост декана гуманитарного факультета.

Послевоенная историческая наука Швеции не может быть понята без анализа творчества профессора Б. Уден, чьи труды не только отражали, но порой и определяли направление развития национальной исторической мысли. Список ее работ, включающий более 200 названий монографий, брошюр, статей, эссе, не считая множества публицистических выступлений, поражает не только количеством написанного, но и разнообразием тематики. Б. Уден принадлежит к той категории настоящих ученых, которой не известен «синдром конечной остановки» – она всегда в поиске и продолжает осваивать новые творческие вершины. Об этом свидетельствует хотя бы то, что после ухода на пенсию в 1987 г. Уден опубликовала почти в два раза больше работ, чем до этого².

---

¹ Европейская академия была создана в 1988 г. как свободная ассоциация ученых в различных областях знания. В 1990 г. Биргитта Уден стала первой женщиной, избранной в Финскую академию.

² Кроме трудов самой Б. Уден важным источником для написания данной статьи стали личные беседы с героиней моего исследования, а также многократные телефонные разговоры, которые велись на протяжении более двадцати лет.

На творчество Б. Уден, по ее словам, повлияли норвежский социолог Стейн Роккан (Stein Rokkan), философы – британец Карл Поппер и швед Хокан Тёрнебум (Hekan Törnebohm), шведский географ Тоштен Хэггерстранд (Torsten Hägerstrand), историки-теоретики – швед Рольф Тоштендаль (Rolf Torstendahl) и норвежец Оттар Даль (Ottar Dahl), шведские историки Стуре Булин (Sture Bolin) и Эрик Лённрот (Erik Lönnroth).

***

Биргитта Уден родилась 11 августа 1921 г. в Уппсале, выросла в Стокгольме, окончила докторантуру в Лунде, куда она переехала в 1941 г. и где осталась навсегда. Родители Биргитты (отец – профессор химии и мать – близкая к кругу людей искусства) в равной степени обусловили интерес дочери как к естественным, так и к гуманитарным наукам. Сама Б. Уден считает, что в каждом человеке одновременно живут натуралист и гуманист³. Кстати сказать, отец Биргитты Свен Уден свободное время посвящал собиранию книг по XVIII в., а его друг государственный антиквар Бенгт Турдeman (Bengt Thordeman) поведал юной Биргитте о семинаре лундского профессора С. Булина (1900–1963), научные интересы которого подошли ей «как перчатка на руку»⁴. В статье 1973 г. Биргитта Уден назвала своего учителя «одним из самых гениальных историков нашего времени»⁵.

В 1955 г. Б. Уден защитила диссертацию на тему: «Налогообложение и издержки страны. Государственные финансы и финансовое управление в последней трети XVI века»⁶. Эта книга – плод скрупулезной подготовительной работы в архивах. В ней она первой из исследователей ввела в научный оборот, среди прочих источников, документы из так называемой Красной серии, которые потребовали невероятного труда по их систематизации и обработке, и, безусловно, критического осмысления. Две последующие книги: «Торговля медью и государственная монополия: штудии по истории шведской торговли в последней трети XVI века» и «Государственная торговля и финансовая политика в 1560–1595 годы»⁷ методологически, тематически и хронологически продолжали фундаментальное диссертационное исследование Б. Уден. В этих работах она проявила себя как последователь шведской либе-

---

³ *Över gränser...* S. 1.

⁴ Расшифровывая это образное выражение, Биргитта поясняет: «Он интересовался количественными методами, теорией, и он действительно широко смотрел на историю и вовсе не был сконцентрирован на пустяковых деталях». *Ibid.* S. 2.

⁵ *Odén.* 1973 (б). S. 155.

⁶ *Odén.* 1955.

⁷ *Odén.* 1960; 1966.

рально-критической традиции, основателями которой в начале XX столетия стали братья Лауриц и Курт Вейбулли⁸.

В 1950 – первой половине 1960-х гг. Б. Уден занималась исключительно экономической историей XVI века. Это было естественно, ибо она вышла из семинара профессора С. Булина, который, в свою очередь, был учеником Л. Вейбулля. Влияние С. Булина, и прежде всего использование вслед за ним математических моделей для обработки исторических данных, позволили Уден показать превращение натурального налога, взимаемого с крестьян, в предметы торговли и, соответственно, в деньги.

Более 10 лет Уден писала работы, хронология которых в основном ограничивалась XVI веком. Причины этого носили внутринаучный характер: был резон продолжить блистательно освоенную на материале Средневековья тематику, разрабатываемую видным шведским историком Эриком Лённрутом⁹. Кроме этого, решающую роль в определении направления научного поиска сыграл ученик Л. Вейбулля и С. Булина Свен А. Нильссон, который «ввел ее в финансовую (бухгалтерско-учетную) действительность Швеции XVI века»¹⁰. Интересно, что критикуя в своих публикациях не столько теоретические взгляды, сколько неточности эмпирического материала Эли Ф. Хекшера (к тому времени уже покойного патриарха шведской экономической истории), Уден косвенно оспаривала идеи либеральной историографии, недооценивавшей, в частности, роль государства в управлении экономикой.

Относительно первого этапа научной деятельности Б. Уден можно выделить два момента. Изначально в ней была заложена тенденция междисциплинарности – история, география, экономическая и социальная история. И за первые десять лет пути становления Биргитты Уден как первоклассного историка ею была пройдена прекрасная школа в рамках либеральной эмпирико-критической традиции учеников братьев Вейбуллей, как раз в конце 1950-х гг. завоевавших ключевые позиции в шведской исторической науке.

---

⁸ В российской историографии это направление часто называют позитивистским, что не соответствует шведской историографической практике, согласно которой вейбулльская школа, близкая по взглядам к Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобосу, работала с историческими текстами и требовала исключения из них всего, что не находило подтверждения в источниках. При этом братья Вейбулли были эмпириками и не стремились к генерализации. Шведские ученые видят отличие вейбулльской либеральной скандинавской школы от позитивистской традиции в духе О. Конта и Г.Т. Бокля в том, что последняя частностям предпочитала обобщения. (*Torstendahl*. 1964. S. 318, 319, 367, 368).

⁹ *Lönroth*. 1940.

¹⁰ *Torstendahl, Odén*. 2012. S. 129.

Правда, по прошествии многих лет, в 1992 г. Б. Уден, отмечая положительные стороны эмпирико-критического направления в шведской историографии, стремившегося к точному прочтению источников и многократно верифицированным фактам, все же назвала ошибкой молодости скепсис по поводу источников, которые нельзя было подвергнуть математической обработке. Имея огромный опыт работы в разных направлениях научного поиска, она признавала, что историку совершенно необходимо обладать и некоторой долей фантазии.

Первые признаки поворота к новой проблематике обозначились в статье «Социальная история в фокусе зрения» (1963). Биргитта Уден высказалась в пользу взгляда на социальную историю не как на отдельную дисциплину, а как на один из аспектов исторической науки. Переход к социальной проблематике завершился после получения Уден в 1965 г. кафедры профессора истории в Лундском университете и выразился в том, что она начала изучать шведскую эмиграцию XIX – начала XX века. Уден горела желанием исследовать социальные изменения в обществе. Изучение эмиграции заинтересовало ее как вариант междисциплинарного взаимодействия истории и культурной географии (в последней уже были освоены новые интересные методы и теории). Необходимо отметить, что нацеленность Уден на изучение социальной истории предшествовала вторжению марксизма в общественные и научные сферы Швеции.

Уден показала несостоятельность бытовавшей в то время точки зрения об исключительном значении аграрного фактора (наряду с демографическим компонентом) для выяснения причин отъезда шведов в Северную Америку. Не отрицая важности структурных изменений на селе, а также стремительного роста населения в Швеции того времени, Уден настаивала на особом внимании к связи между эмиграцией и урбанизацией¹¹. Заканчивая в начале 1970-х гг. активную разработку социальных аспектов шведской эмиграции, она выступала как глубокий знаток новых теорий и методов, освоив современные социально-антропологические и географические новации, моделирование, тесно связанное с так называемой диффузной теорией, широко распространенной в США. Эта теория позволяла проследить процесс эмиграции по регионам, установить, каким образом налаживались контакты между жителями различных областей, зачастую удаленных друг от друга, а также вскрыть механизмы формирования поведенческих стереотипов¹².

---

¹¹ *Odén*. 1963 (a). S. 264.

¹² Среди шведских историков, эту теорию применял работавший в то время в Уппсале С. Окерман. Несомненно также влияние на Б. Уден шведского географа Т. Хэггерстранда. *Emigrationen fra Norden indtil Første Verdenskrig...* S. 51-58.

Вторая половина 1960-х – переломный момент для всей шведской историографии, начало ее освобождения из оков провинциализма и первых шагов по освоению достижений общественных наук, прежде всего социологии, влияние которой пришло из-за океана. Это было время дискуссий о возможности использования социологических теорий, а сами тенденции их применения четко обозначились лишь в 1970-е гг. Нельзя сказать, что кто-то из шведских историков выступал категорически против (скорее это было молчаливое сопротивление), однако именно Б. Уден, Р. Тоштендаль, Бу Энгрен и С. Окерман первыми не только выступили «за», но и сами начали использовать методы социологии в своих исследованиях. С различной степенью интенсивности эти методы применялись в коллективных проектах по эмиграции и по так называемым народным движениям.

«В вопросах методологии я хотела бы ратовать за более четкие модели объяснений, желательно выработанные в связи с теоретическими построениями общественных наук, вместо или в дополнение к слабо специфицированным, с налетом эмпиризма “событийным образцам”, которые играют столь большую объясняющую роль в историческом исследовании», – писала в 1968 г. Уден в программной статье «Клию между двух стульев»¹³. Еще раньше, в статье 1963 г. Б. Уден, как бы в предчувствии будущих дискуссий, писала о взаимосвязи между общественными науками и новыми областями исторической науки, выделяя такие сотрудничающие пары, как «социология–социальная история», «национальная экономика–экономическая история». Уден настаивала на том, что достижения социологии должны подвигнуть историков на изучение прошлого «с частично измененной целевой установкой и с помощью новых методов»¹⁴. В статье «Место истории в изучении общества» Б. Уден утверждала: «Совершенно очевидно, что нам, историкам, необходимы импульсы со стороны обществоведческих моделей, и прежде всего в отношении трех вещей: при нашем выборе объектов исследования, при нашем решении, какие факты считать важными, и при построении объяснений»¹⁵.

Указывая на субъективность любого утверждения, отстаиваемого тем или иным историком, Б. Уден подчеркивала, что «историку просто необходимо быть знакомым с теми исследовательскими результатами, которые достигаются в соответствующих общественных науках. Это требует постоянного внимания, иначе существует очевидный риск того,

---

¹³ *Odén*. 1968 (a). S. 197.

¹⁴ *Odén*. 1963 (б). S. 405-406.

¹⁵ *Odén*. 1968 (б). S. 41.

что среди историков станут господствовать вышедшие из употребления и давно отброшенные эмпирические знания этих дисциплин, знания, которые постепенно просочились в окружающий мир по внеучным каналам и стали расхожим товаром». В качестве примера подобных сомнительных общих мест, подхваченных историками из смежных отраслей гуманитарного знания, Уден приводит «псевдомарксистские представления о частно-экономических мотивах политических действий и вульгарные утверждения из арсенала психоаналитиков»¹⁶.

Отмечая, что не все из универсальных теорий, находящихся на вооружении социальных наук, достаточно проверены, Уден все же призывает применять их при анализе исторических ситуаций: «Мы не можем быть свободны от подобных теорий, какими бы запутанными они нам ни казались»¹⁷. Прийти к подобным выводам ей во многом помогли конкретные разработки проблем шведской эмиграции. Для нее стало очевидным, что без учета экономической теории конъюнктур историк неизбежно придет к переоценке случайных мотивов эмиграции и непременно оставит без внимания всеобщие причины, остающиеся за пределами исторического материала. Однако, радуя за применение историками теорий общественных наук, Уден не устает подчеркивать: «Никогда модели не должны замещать недостающих звеньев в объяснениях»¹⁸.

Возвращаясь к взаимоотношениям между гуманитарными дисциплинами, Б. Уден выделяет пять критериев для определения междисциплинарных границ: «административная принадлежность дисциплин, протяженность предметного ареала, непохожесть источникового материала, особенности методов, различия теорий и задач». При этом она обращает внимание на то, что аналитическая граница между науками определяется их целеполаганием. Подходя с этим критерием к оценке научной пары «история–обществоведение», она заявляет: «История работает с обществом прошлого как с *целью* исследования и использует законы, примеры и теории как *средство* для объяснения связи в рамках конкретной действительности. Обществоведение в качестве *цели* берет теории и закономерности и использует конкретную действительность (в том числе историческую) как *средство* для проверки гипотез»¹⁹.

Биргитту Уден искренне волновала судьба исторической науки как таковой, ее место среди других отраслей гуманитарного знания. Исто-

---

¹⁶ Historisk tidskrift. 1968. Nr. 2. S. 193-194.

¹⁷ Ibid. S. 194.

¹⁸ Statsvetenskaplig tidskrift. 1968. Häfte 1. S. 42.

¹⁹ Odén. 1973 (a). S. 148.

рия, с ее точки зрения, шире, чем прошлое политики. Это и прошлое экономики, и прошлое социальной жизни, и прошлое культуры, и прошлое религии, и прошлое психологии. История – это наука об обществе, изучаемая вглубь по временной оси. Однако временной, или хронологический, барьер, считает Б. Уден, не должен быть железным занавесом, отделяющим социальную науку от истории.

Социальные науки подразделены на множество специальных дисциплин. То же случилось и с историей: внутри нее продолжают специализация и разделение на экономическую²⁰, политическую, социальную историю, историю предприятий, психоисторию и др. Отмечая это, Уден задается вопросом: что же станет с интегрирующей ролью истории? Она категорически против перспективы исчезновения истории как самостоятельного предмета и спорит с теми учеными, которые считают, что история как синтезирующий предмет существует лишь в качестве общей идеи, но не нужна при конкретной научной работе. Точка зрения Удена иная: «Главная исследовательская проблема сегодняшнего дня не в том, как нам достичь специализации – это направление очевидно; оно развивается своим путем в силу внутренней необходимости. При этом методики исследования становятся все более специальными и труднодоступными для отдельного исследователя. Проблема же, напротив, состоит в том, как мы сможем достичь столь же необходимой интеграции между специализированными ветвями»²¹. Особую роль, по мнению Удена, играет история как университетский предмет; именно ей принадлежит интегрирующая функция по отношению ко всем другим смежным дисциплинам.

Сдвиги в обществе второй половины 1960-х гг., выразившиеся в общей радикализации политических взглядов, привели к росту интереса к марксизму, прежде всего в студенческой среде, что не могло не затронуть академические научные круги. Сторонники марксизма увлеченно пропагандировали теорию К. Маркса, но их теоретические построения вызвали к жизни всходы не только марксистской мысли: гуманитарная наука Швеции ответила на вызов марксистов увлечением теорией среднего уровня, отцом которой был американский социолог Р. Мертон²².

---

²⁰Здесь следует иметь в виду, что институционально в Швеции экономическая история находится на обществоведческих факультетах, тогда как история всегда входит в состав гуманитарных факультетов университетов. Такое положение вещей Б. Уден называет логической аномалией.

²¹ *Odén*. 1968 (6). S. 27-28. Эту мысль Б. Уден отстаивает вслед за одним из своих авторитетов, шведским философом Хоканом Торнебумом.

²² Взрыв интереса к идеям Р. Мертона в Европе произошел после повторного издания его книги «Социальная теория и социальная структура» (1949) в 1968 г.

Биргитта Уден не могла не откликнуться на призыв к поиску новых теорий. Ею был подготовлен курс лекций по истории шведской исторической мысли. Накопленный исследователем и педагогом теоретический багаж объективно требовал осмысления. Кроме того, перед ней стояла практическая задача ответить на вопросы студентов, не желавших быть адептами консервативных, либеральных и даже социал-демократических взглядов маститых историков Швеции. Эти объективные и субъективные причины привели Б. Уден к написанию работ по методологии и историографии.

Ориентация скандинавской историографии на теоретические проблемы связана для Биргитты Уден с именами таких научных авторитетов, как О. Даль и Р. Тоштендаль. По ее мнению, эти историки предложили новый тип историографического исследования, для которого целью анализа была научная позиция того или иного ученого, они утверждали, что историки редко формулируют свои нормативные «правила игры», но большинство из них, независимо от того, осознают они это или нет, в действительности базируются на определенных теоретических принципах. Уверовав в правоту этого утверждения, Уден начала изучать ход историко-философской мысли в Швеции, сконцентрировав основное внимание на XX веке. «История как процесс исследования на коллективном уровне есть историографический анализ, где объясняющие модели имеют в виду не индивидуальный вклад ученого, а поведение коллектива исследователей», – писала она в статье, опубликованной в 1973 г.²³

Заслуживает внимания вывод Уден о взаимодействии двух векторов научной мысли – индивидуального и коллективного. Это взаимодействие, по ее мнению, и называется плюралистическим научным взглядом: «Я совершенно убеждена, что фундаментальные изменения исторического научного процесса всегда происходят благодаря уникальному вкладу уникального человека в уникальной ситуации (единолично или в команде). Однако значение этих изменений всегда зависит от способности коллектива научного сообщества критически оценивать, а также терпимо принимать ростки нового, которые вначале проявляются в форме критики и оппозиции, но однажды могут стать основанием для объединения исторического научного содружества в период нового консенсуса»²⁴.

Идеи, высказанные Уден в ряде статей²⁵, нашли свое завершение в историографической монографии о Лаурице Вейбулле и окружавшей

---

²³ *Odén*. 1973 (б). S. 156.

²⁴ *Ibid*. S. 158.

²⁵ *Odén*. 1973 (a); 1975 (a); 1975 (б); 1978.

его научной среде²⁶. В этой книге ясно прозвучала столь важная для творчества Уден мысль о зависимости ученого от современного ему общества. Автор показала большое значение методологических и теоретических проблем, встающих перед всяким исследователем, стремящимся определить зависимость ученого от его коллег из сложного социального переплетения, именуемого научным сообществом.

Понятие «научное сообщество», так же как и термин «парадигма», были заимствованы из книги Т. Куна «Структура научных революций» (1962). Ученый, согласно теории американского социолога, может быть оценен только во взаимосвязи с научным сообществом, все члены которого придерживаются определенной парадигмы. Таким образом, Кун включал влияние социальных факторов в объяснение развития науки. Уден исходила из концепции Т. Куна и в еще большей степени американского социолога немецкого происхождения А.О. Хиршмана при написании книги о выдающемся представителе историко-критического направления Л. Вейбулле, с которым, как считает Уден, связана смена парадигм в шведской историографии.

Творческая лаборатория ученого показана во взаимодействии с окружавшей его научной атмосферой²⁷. Исходная гипотеза, выдвинутая Уден в статье «Слава, память и научная теория»²⁸, заключалась в том, что «научные изменения происходят не в результате случайных действий исследователя, а посредством интеллектуального “перекрестного опыления” в рамках большой, часто междисциплинарной, контактной сетки»²⁹. Уден исследует источники, импульсы, идеалы, питавшие Л. Вейбулля в период творческого становления, указывая при этом на важность субъективных моментов, к которым относит его дружбу с датским историком Эриком Арупом и тесное сотрудничество с младшим братом Куртом. Опираясь на признание Л. Вейбулля, который называл себя «современным человеком, обладающим знанием о прошлом и историческим чуть-

---

²⁶ *Odén*. 1975 (6). Книга посвящена мужу Б. Уден – Уно Дунеру (Uno Dunér, 1887–1983), человеку во многих отношениях замечательному: профессиональный военный, увлекавшийся изучением средневековой архитектуры, после выхода в отставку он серьезно и успешно занимался живописью. Дунер был другом Л. Вейбулля. У нас в стране рецензия на эту книгу Б.Уден была опубликована А.С. Каном в «Общественных науках за рубежом» (Сер. 5. 1977. № 5).

²⁷ Хотелось бы обратить внимание на характерный для Б. Уден подход к историографическому исследованию с точки зрения социологии науки, в отличие, например, от Р. Тоштендаля, в работах которого аналитическому рассмотрению подвергаются теоретические позиции того или иного историка.

²⁸ *Scandia*. 1973. Bd. 39. S. 139-149.

²⁹ *Odén*. 1975 (6). S. 275.

ем», Б. Уден подчеркивает его балансирование между радикализмом и традицией, причем радикализм Вейбулля, по словам Уден, был связан с «глубокой, почти романтической лояльностью к прошлому»³⁰.

Братья Вейбулли создали школу критики источников³¹. Б. Уден считает, что вейбулльская школа представляла собой либеральное историческое видение со значительным упором на рационалистическое понимание. Благодаря усилиям братьев Вейбуллей и Э. Арупа в 1928 г. начал издаваться исторический журнал эмпирико-критического направления «Скандия» (глав. ред. – Л. Вейбуль), условия возникновения которого внешне были сходны с ситуацией вокруг «Анналов» М. Блока и Л. Февра. Рассмотрению истории и значения появления нового издания в противовес официальному журналу Шведского исторического общества (ШИО) консервативно-националистического толка «Хистуриск тидскрифт» Б. Уден посвятила отдельную статью «“Скандия” – журнал с иным пониманием»³², в которой показала общие и отличительные черты шведского и французского журналов. Значительную роль в становлении нового направления в шведской историографии сыграли ученики братьев Вейбуллей, и среди них С. Булин.

С середины 1970-х гг. к сюжетам по методологии и историографии добавилась другая, сквозная для всего творчества Уден тема – высшее гуманитарное образование и подготовка научных кадров в этой сфере, получившая наиболее полное отражение в итоговой книге «Изменения в подготовке ученых в 1890–1975 гг. История, политология, культурная география, экономическая история»³³. Эта работа прекрасно иллюстрирует включенность Уден в совершенствование общественных механизмов, ее желание внести лепту в улучшение университетского образования в Швеции. Поскольку университеты страны управляются государственными структурами, то данная работа напрямую связана с проблемами взаимоотношения личности и государства.

В книге Б. Уден впервые рассмотрела вопросы обучения и воспитания исследователей в области гуманитарных дисциплин. Главной за-

---

³⁰ Ibid. S. 277.

³¹ В отечественной исторической литературе ее иногда называют гиперкритической школой, однако тот факт, что в Швеции эти слова отражали негативное отношение к братьям Вейбуллям, так как использовались их противниками, побудил меня отказаться от употребления этого термина.

³² Historia och samhälle... 1975. S. 179–208.

³³ Odén. 1991 (б). Выходу книги, как всегда, предшествовали другие публикации: в 1980 г. Уден закончила двухтомную ротاپринтную предварительную версию монографии. Odén 1982 (а); 1989 (б).

дачей автора был показ изменений в подготовке научных работников по указанным предметам за 85 лет. Эти изменения выразились как в количественных показателях, так и в качественно новых условиях работы, постепенно превративших элитные высшие школы в университеты общества с равными возможностями, открытые для всех желающих³⁴.

Методологически книга вобрала в себя как либеральные позитивистские традиции ученых-шестидесятников, к которым принадлежала и сама Уден, так и теоретические взгляды представителей студенческого бунта против «позитивизма», требовавших введения альтернативных курсов в герменевтическом или марксистском ключе. Б. Уден утверждала: «Те профессора и доценты, которые в 1960-х гг. структурировали и формализовали содержание научного образования, принадлежали в подавляющем большинстве к поколению исследователей, сформировавшемуся под влиянием либеральных мировых образцов и получившему образование в рамках широко трактуемого позитивистского научного идеала. Хорошо известно, что в конце 1960-х гг. наступило десятилетие, когда студенты встали в оппозицию к этим истокам»³⁵. Книга о подготовке гуманитарных научных кадров Швеции написана Уден на базе освоенного ею арсенала современной социологии, в которой для нее неоспоримым авторитетом был Т. Кун, перенесший внимание исследователя с индивида и идей на традиции и культуру: «Образование, тренировка, окружающая среда переносят традиции от поколения к поколению»³⁶. Среди шведских ученых она выделяет таких историков-теоретиков, как Р. Тоштендаль, С.-Э. Лиедман, Т. Фрэнгсмюр, Р. Бьёрк. Уден подчеркивает: «Те изменения, которые переживает среда обучающихся исследователей в течение длительного, наиболее изученного периода, позволяют, если попытаться рассмотреть двойную перспективу, объяснить как внутринаучную, так и общественную стороны»³⁷. Отрицая традиционный взгляд на функционирование университетов лишь с точки зрения внутринаучных интересов, она считает, что университеты интегрированы в общество и серьезно зависят от происходящих в нем процессов³⁸.

Книга, посвященная истории развития четырех гуманитарных дисциплин в Швеции за почти вековой отрезок времени, под пером мастера превращается в увлекательное теоретически насыщенное исследование как по вопросу об организации шведского социально-гуманитарного

---

³⁴ *Odén*. 1982. S. 327.

³⁵ *Ibid.* S. 10.

³⁶ *Ibid.* S. 10.

³⁷ *Ibid.* S. 27.

³⁸ *Ibid.* S. 40.

знания, так и в историографическом плане. К тому же широта охвата проблем, географические и временные рамки работы позволили автору вписать шведскую науку в мировой контекст.

Рассуждая о взглядах Уден на историю структурирования гуманитарного знания в Швеции, нельзя не отметить следующий факт: в 1970-х гг. профессор Уден была членом созданного при правительстве специального комитета, в задачи которого входило оказание помощи исполнительной власти страны в выработке оптимальной политики в воспитании научных кадров по общественным наукам³⁹. На этом примере еще раз можно убедиться в том, насколько научные интересы Б. Уден сочетались с практическими задачами современного общества.

Следующая конкретно-историческая тема, которой Уден начала интересоваться в конце 1960-х гг., тоже связана с проблемой взаимодействия человека с современным обществом. Речь идет о взгляде историка на окружающую среду. Нет необходимости напоминать, что вопросы загрязнения окружающей среды стали дебатироваться в 1960-х гг. повсеместно в силу сугубой актуальности для биологического выживания человека. Государство в демократическом обществе осознало ответственность в этих вопросах⁴⁰. Выдвижение проблем окружающей среды на первый план, как для ученых-естественников, так и для гуманитариев, было продиктовано объективными причинами.

Одна из субъективных предпосылок перехода Уден к написанию работ об окружающей среде вытекала из уже освоенного поля социальной истории в связи с проблемами шведской эмиграции, подводившими исследователя вплотную к историко-демографической тематике. Однако в этой области уже успешно работал С. Окерман, и Биргитта Уден, не желая конкурировать с ним, предпочла проблематику окружающей среды⁴¹. Надо сказать, что Уден об окружающей среде написала не так уж

---

³⁹ В рамках работы подготовительной группы (под председательством Б. Уден) при Исследовательском совете по гуманитарно-общественным наукам (Humanistisk-Samhällsvetenskapliga Forskningsrådet – HSFR) был издан отчет о положении научных исследований на рубеже 1984-1985 гг. в исторической науке, где сообщалась информация по истории, экономической истории, истории идей и учений, а также истории церкви (Histotieämnen... 1986). В том же году был издан отчет правительству Исследовательского совета по гуманитарно-общественным наукам, рабочую комиссию которого возглавляла Уден. (Kulturvetenskaperna i framtiden... 1986, Jan.).

⁴⁰ По мнению Уден, плановая экономика Советского Союза не стала гарантией в защите окружающей среды. Это показали исследования двух шведских ученых – Л. Лундгрена и К. Гернера. См.: *Odén*. 1992. S. 13.

⁴¹ Переход к изучению окружающей среды стимулировался и облегчался тем, что эта тема, которая прежде всего интересовала ученых-естественников и требова-

много, но значение ее инициатив велико. Так, под непосредственным влиянием Б. Уден была написана книга о состоянии окружающей среды в СССР, в которой Кристиан Гернер и Ларс Лундгрэн объединили свои знания в области советологии и истории окружающей среды⁴².

При подготовке к XIV Международному конгрессу историков в Сан-Франциско (1975) на базе Лундского университета был создан шведский комитет, в который вошла и Уден. Ларс Лундгрэн, Биргитта Уден и Сверкер Уредссон подготовили доклад «Методы изучения человека в окружающей среде»⁴³. Это была первая публикация Уден на новую тему, которая впоследствии нашла отражение в предпринятом по ее предложению на исторической кафедре Лундского университета проекте «Природа и общество», а также в ее педагогической практике. Она изыскала средства для эксперимента в преподавании истории окружающей среды для шведских учителей разного уровня. Под ее руководством были защищены две докторские диссертации по данной проблематике⁴⁴. «Политизация проблемы окружающей среды, природа как идея и идеология, примеры реакции многих людей на постепенное ухудшение природной среды и окружающей среды на производстве выступают как наиболее неотложные задачи для историков, историков идей и экономических историков», – писала Уден во введении к учебнику «История окружающей среды»⁴⁵.

В одной из своих первых работ на эту тему Уден обращала внимание на широту термина «окружающая среда», которая подразделяется на природную и человеческую, или социальную. Авторы статьи «Использование природы как политика»⁴⁶ интересовал человеческий аспект этой проблемы. В написанной по материалам выступлений на конференциях 1988 и 1989 гг. статье «Окружающая среда как история» Уден обращает внимание на понятие «окружающая среда», пришедшее на смену понятию «природа» только в 1960-х гг. «Переход от *природы* к *окружающей среде*, – заявила Б. Уден, – является не только языковым видоизменением. Это и понятийное видоизменение, которое отмечает сдвиг нашего виде-

---

ла определенных знаний именно с этой стороны, привлекла внимание брата Б. Уден, занимавшегося физикой Земли и метеорологией. Сванте Уден предоставил сестре много интересных материалов о кислотных дождях. *Odén*. 1992. S. 12.

⁴² *Germer, Lundgren*. 1978.

⁴³ *Methods in the Study of Man in his Environment...* 1975.

⁴⁴ О загрязнении вод на рубеже XIX–XX вв. (Ларс Лундгрэн) и о движении за охрану природы (Ян Теландер).

⁴⁵ *Karlegård, Toftenow*. 1990. S. 7-8. См. также: *En ren framtid...* 1988.

⁴⁶ *Lundgren, Odén, Oredsson*. 1979. Б. Уден написала раздел «Человек и окружающая среда как проблема большой временной длительности».

ния отношений “человек–окружающая среда”»⁴⁷. Отмечая постепенную политизацию термина, Б. Уден пишет, что именно в 1960-х гг. родился новый сплав естественнонаучного и обществоведческого взгляда на окружающую среду. Важной ее частью постепенно стала окружающая среда на производстве. Типичным для нового понятия явилось то, что во главу угла был поставлен человек, его здоровье, психика, права и обязанности. «Понятие “окружающая среда” на самом деле является антропоцентристским в отличие от биолого-экологического понятия “природа”», – писала Уден, указывая, что это понятие исключает нейтральное к нему отношение и требует определенной авторской позиции⁴⁸.

Четко занятая гражданская позиция как нельзя лучше характеризует ученого Б. Уден. Следует отметить, что проблема окружающей среды, как и хронологически следующая за ней проблема пожилых людей в обществе еще в большей степени, чем предыдущие темы, отражают активность ученого с точки зрения выбираемых для исследования общественно значимых вопросов.

С точки зрения новых подходов к науке, ее внутреннего развития, нельзя не отметить важнейшую деталь при изучении окружающей среды – имманентную междисциплинарность. При разработке проблемы окружающей среды междисциплинарность проявилась не только в том, что этой темой ученые занимались на базе различных наук – истории, географии, археологии, этнологии, экономической и аграрной истории, социальной антропологии, истории идей и ментальности, правоведения и других, но и в том, что формулировка этой проблемы позволила осуществиться ранее, казалось, невозможным надеждам на связь естественнонаучной и гуманитарной линий в науке. Еще в 1959 г. английский физик и писатель Ч. Сноу в книге «Две культуры» высказывал неподдельное беспокойство по поводу невозможности преодоления пропасти между естественными и гуманитарными научными сообществами, принадлежащими к различным культурам и говорящими на различных языках⁴⁹.

При рассмотрении вопросов окружающей среды ученые вынуждены заниматься не какой-то одной областью – человек или природа, но их взаимоотношением, т.е. междисциплинарная граница проходит не по смежным дисциплинам гуманитарных наук, а между различными по своей природе науками – естественными и общественными. Однако, по

---

⁴⁷ *Odén*. 1989 (b). S. 2.

⁴⁸ *Ibid*. S. 5. Интересно замечание Уден по поводу движения «Гринпис», у которого, по ее мнению, на первом месте стоит природа, а не человек.

⁴⁹ *Odén*. 1989 (a). S. 19.

мнению Б. Уден, призыв Ч. Сноу к объединению двух культур не выдержал в 1960-х гг. «вьюги специализации»⁵⁰.

Процессы, которые происходили с науками, занимавшимися историей окружающей среды, сродни по своим претензиям на тотальность с процессами внутри бществоведческих дисциплин, пытавшихся разрешить дихотомию – социальная история и история социума⁵¹. Ведь история общества включает в себя не только социальные отношения между людьми, но и политические и идеологические, внутри которых разыгрывается человеческая драма. Таким образом, чтобы написать историю общества, необходимо писать тотальную историю. Именно эта перспектива вдохновляла Уден, хотя она не без опаски отмечала усиливавшуюся внутринаучную специализацию в противовес призыву Э. Хобсбоума к универсализму: «Расширение перспективы от специализации к большей тотальности в рамках различных традиций, очевидно, отразилось на сообществе ученых. Границы между различными дисциплинами стерлись. Это, с одной стороны, привело к целенаправленному междисциплинарному или межнаучному сотрудничеству, но, с другой – к определенным противоречиям и охране своей научной вотчины»⁵².

Универсальность проблем окружающей среды делает невозможной, по мнению Уден, их принадлежность к какой-то одной дисциплине или к специальному факультету: они принадлежат всему университету и касаются каждого, точно так же, как загрязнение окружающей среды поражает не отдельную страну или регион, а всю планету людей.

Назвав в одной из своих работ Библию самой древней «историей окружающей среды»⁵³, Уден скептически отнеслась к возможности в полном объеме написать тотальную научную историю окружающей среды, хотя и выразила надежду на то, что экологическое сознание может пропитать формулируемые людьми проблемы и исторические представления и расширить понимание того, что экологическая ответственность – не пустая риторика. Она затрагивает каждого в той нише, в которой человек осуществляет свои проекты с целью приспособить жизнь своих потомков к ограниченным ресурсам и последствиям длительного загрязнения окружающей среды.

Занимаясь историей окружающей среды, Б. Уден дополнила и усилила социальное звучание темы, начав писать о проблемах стариков в

---

⁵⁰ *Odén*. 1992. S. 14.

⁵¹ *Hobsbawm*. 1971.

⁵² *Odén*. 1991 (B).

⁵³ *Odén*. 1992. S. 14.

Швеции. Ее первые статьи на эту тему появились в 1970-х гг.; основные же работы этого направления были опубликованы в 1980-1990-х гг.⁵⁴ Взаимоотношения между поколениями, проблемы детства, старости, смерти, в том числе и добровольный уход из жизни, – наиболее типичная тематика Б. Уден после ее выхода на пенсию.

Накануне этого события, 27 мая 1987 г., Б. Уден выступила в Домском соборе Лунда с соответствующим торжественному событию докладом «История детства и старости», вскоре опубликованным в виде отдельной брошюры. В этом докладе в сжатой форме отразились основные мысли, в дальнейшем ставшие предметом отдельного рассмотрения в ряде статей. По существу, лекция Уден в Домском соборе стала программой деятельности в ее «третьей жизненной стадии». В ней были намечены проблемы изучения взаимоотношений поколений в шведском обществе на различных исторических этапах его развития.

Из доклада Б. Уден становится очевидным, что для нее долг гражданина и профессионального историка требует устранить любую идеализацию прошлого, показать истинное положение вещей, будь то случаи, когда мать бросает своего ребенка или грубость и жестокость в семье по отношению к старикам. Уден рассуждает о позиции историков при их встрече с мифом о прошлом как о «золотом веке» и «потерянном рае», мифе, используемом в интересах современного общества.

Опираясь на разные научные подходы, можно предположить два варианта решения вопроса. Первый, лежащий в русле вейбулльской эмпирической школы критики источников, к которой долгие годы принадлежала и сама Уден (по крайней мере, до конца 1960-х гг., когда это направление утратило свои четкие очертания), рекомендует историку искать истинную действительность, независимо от того, как эти знания могут быть использованы. Другой вариант был предложен новым поколением историков, причисляющих себя к герменевтической традиции. Их задача – понять значение и смысл мифов для того общества, в котором эти мифы существовали. Этим историков не интересовало, ложные или правдивые это были мифы; их волновало происхождение этих мифов, их значение для поведения людей. Однако Б. Уден отмечает и третью точку

---

⁵⁴ В международной историографии интерес к взаимоотношениям поколений и истории семьи возрос после публикации в 1965 г. книги П. Ласлетта «Мир, который мы потеряли». В Швеции первыми, наряду с Б. Уден, опубликовали свои работы историки из Уппсалы: С. Окерман (Sune Åkerman, 1977), А.-С. Чельвемарк (Ann-Sofie Kälveborn, 1977, 1978) и Д. Гонт (David Gaunt, 1976). Значительный вклад в изучение этой темы внес датский историк Х. Кр. Юхансен (Hans Chr. Johansen, 1976). См.: *Odén*. 1990. P. 160.

зрения, автором которой является известный американский историк У. Мак-Нил, призывавший «оберегать и реставрировать» исторические мифы. Это важно, по его мнению, с целью сберечь функцию мифов как заменителя для ослабленных инстинктов человека, как связующего клея для общественного здания. Развивая идею американского ученого о необходимости существования мифов с тем, чтобы сохранять живыми моральные нормы самого общества, Уден указывает на шведский миф о счастливом развитии по пути демократии, который поддерживает в людях веру в это общество и способствует восприятию его правил игры. «Задачей историка является замена основанных на вере мифов эмпирически апробированными обобщениями, которые показывают нам, как функционировало общество в разные времена, где мы находимся сегодня и куда мы движемся»⁵⁵, – формулирует свою точку зрения Б. Уден.

Ссылаясь на макроисторическую стадиальную теорию детства Филиппа Ариеса, Б. Уден одновременно критикует его слишком грубые обобщения, вследствие которых стираются классовые различия и пропадают региональные особенности. Отмечая вклад социолога Эрнеста Берджеса, который почти одновременно с выходом в свет книги Ариеса сформулировал стадиальную теорию старости, Уден подчеркивает, что история старости изучена гораздо меньше, чем история детства. Кроме того, Уден считает, что в буржуазную эпоху социальное положение стариков (в отличие от детей) претерпело изменения в сторону ухудшения положения престарелых людей в обществе⁵⁶. Б. Уден была первым историком, поднявшим в статье «Отношения между поколениями. Правовое положение в 1300–1900 гг.» проблему психического и физического насилия по отношению к людям старшего поколения⁵⁷.

Работы Б. Уден по проблеме «стариков» в обществе можно разделить на эмпирические, историографические и обзорно-теоретические. Всем трем типам присуща ярко выраженная социальная ориентация; особенно четко она прослеживается в теоретических статьях. Уден отмечает, что социальные отношения пожилых людей были предметом исследования историков и этнологов, в то время как институты, ответственные за положение стариков в обществе, стали темой прежде всего для историков идей, социологов и историков архитектуры. Пограничное положение этой тематики позволило историкам плодотворно использовать методы социологии, гериатрии и социальной медицины⁵⁸.

---

⁵⁵ *Odén*. 1987. Del. 1.

⁵⁶ *Ibid*. Del. 2.

⁵⁷ *Odén*. 1991 (г). S. 110.

⁵⁸ *Odén*. 1991 (а). S. 67, 68.

В конце 1970-х гг. Уден возглавила междисциплинарный проект «Старики в обществе: прошлое, настоящее, будущее»⁵⁹. Результаты совместной работы ученых были опубликованы в 1982–83 гг. в двухтомном труде, опиравшемся на теоретические основы различных дисциплин – истории, социологии, медицины. Авторы изучили такие важные вопросы, как демографическая ситуация, производственная деятельность, отношения стариков в семье и социуме. Сверхзадачей проекта было решение вопроса, каким образом можно задержать переход стариков из независимой активной части общества в категорию зависимой группы; исследовался культурный, человеческий, интеллектуальный, производительный потенциал пожилых людей, который может быть еще востребован⁶⁰.

Окончание работы над этой темой было отмечено публикацией в 1993 г. книги «Стареть в Швеции», в которой трое ученых – историк, гериатролог и социолог – представили далеко не однозначные, оказавшиеся в определенном противоречии с изначальным замыслом выводы. Самый молодой из авторов социолог Л. Торнстам занял критическую позицию относительно перспективы активизации роли пожилых людей в обществе⁶¹. В результате было принято решение о том, что три раздела книги должны рассматриваться как отражение взглядов каждого из авторов в отдельности. В своей части «Временная перспектива» Б. Уден активно использовала идеи футурологии для изучения влияния общества на индивида. Она также считала плодотворным для разработки данной тематики подход, основанный на идее *la longue durée* Ф. Броделя.

Вкладом Уден в изучение проблем старости явилась предложенная ею на конференции 1988 г. в Кембридже периодизация истории пожилых людей в Швеции, получившая дальнейшее развитие на конференции 1991 г. в Йувэсколе. Автор выделяет пять периодов: 1) средневековое крестьянское общество с доминантой церкви, наблюдаемое со времени областных законов до 1734 г., 2) переходный период, охватывающий XVIII в. – первую половину XIX в., с экспериментами государства в обществе с разрушающейся аграрной структурой, 3) период 1850–1950-х гг., когда старая коммунальная система заботы о бедных превратилась в политическую проблему в обществе, изменявшемся под напором индустриализации, урбанизации и развития капитализма, 4) с 1950-х гг. по настоящее время, когда экономические успехи страны позволили сформировать заботу о тех, кто внес вклад в строительство самого общества всеобщего

---

⁵⁹ De äldre i samhället... 1978. Официально проект стартовал в 1980 г.

⁶⁰ Odén, Svanborg, Tornstam. 1982–1983.

⁶¹ Odén, Svanborg, Tornstam. 1993. S. 11.

благополучия, 5) период пересмотра настоящего с перспективой на будущее, когда в связи с возросшими экономическими затратами коллективистская и солидарная политика общества всеобщего благополучия начала подвергаться сомнению⁶².

Социальные проблемы семьи в связи с ростом численности населения и увеличением в обществе доли престарелых показали Б. Уден чрезвычайно интересным полем для новых исследований⁶³. С ухудшением экономической конъюнктуры в Швеции 1990-х гг. эта тема приобрела еще большую актуальность для Уден, всегда ориентированной на общественно значимые проблемы. Ее искренне беспокоит проявившаяся в эти годы практика буржуазного правительства Швеции брать деньги для поддержания экономической стабильности из бюджетных поступлений, ранее расходовавшихся на социальную помощь населению.

Комплекс экономических, психологических и моральных аспектов, сопряженных с жизнью пожилых людей, как в прошлом, так и в современном социуме, оказался в центре внимания историка. Уден написала по этим проблемам ряд научных статей, а в 2012 г. они вышли отдельной книгой «Старики сквозь время. Взгляд историка на старость и политику по отношению к старикам». Отмечая во введении способность автора «обновлять и углублять проблематику», известный историк, коллега и друг Б. Уден Эва Эстерберг пишет: «Статьи являются результатом несомненной возрастом креативности Биргитты Уден и ее неистребимого желания мыслить по-новому»⁶⁴.

Исследования проблем старости в конце 1990-х подтолкнули Уден к изучению не только социальных, но экзистенциальных и психологических проблем старости и послужили отправной точкой к написанию работ, связанных с добровольным уходом людей из жизни. Уден выпустила книгу «Устать от жизни», которая подытожила ее участие в проекте Лундского университета «Добровольная смерть». Публикация Б. Уден состоит из четырех эссе, написанных в жанре микроистории⁶⁵. Для нее, главным образом работавшей с макроисторическими общественными проблемами, подобный подход является исключением.

Следуя за определением, которое дал Джованни Леви (микроистория – это способ рассказывания истории, а не теория и методология),

---

⁶² Ibid. S. 19-20.

⁶³ *Odén*. 1990. P. 160.

⁶⁴ *Odén*. 2012. S. 8, 10.

⁶⁵ *Odén*. 1998. Книга посвящена Эве Эстерберг – другу и коллеге, занявшей место профессора истории Лундского университета после ухода Уден на пенсию.

Уден отмечает, что при таком подходе к подаче материала нельзя посчитать число отдельных случаев в длительной временной перспективе, т.е. трудно подняться до обобщений⁶⁶. Изучив труды предшественников, таких как социолог Эмиль Дюркгейм, выпустивший еще в 1897 г. знаменитую книгу «Суицид» (*Le suicide*) и историк-демограф Питер Ласлетт, написавший «Мир, который мы потеряли» (1965), Биргитта Уден и в своем микроисторическом исследовании не оставляет важнейшую для нее общественную перспективу, подчеркивая центральное место, которое занимает гипотеза о непосредственной связи частоты самоубийств с общим здоровьем или нездоровьем общества⁶⁷. Говоря об источниках своего исследования о самоубийстве, Уден называет труды коллег, а также ссылается на авторитет российского ученого Арона Гуревича, чьи книги широко известны в Швеции⁶⁸.

Четыре микроистории, изложенные и проанализированные Б. Уден охватывают значительный временной отрезок: вначале это рассказ о самоубийстве и отношении к нему в дохристианскую эпоху, затем повествование переносит читателя в XVII век, в котором господствовали суеверия, третий рассказ разбирает факт добровольного ухода из жизни в XVIII в., когда законодательство и практика по отношению к самоубийцам постепенно смягчались, и, наконец, последнее эссе касается самоубийства Офелии и безумия Гамлета в трагедии Шекспира. Впервые поставленный на сцене в 1600 г. «Гамлет» долгое время был наименее играемой трагедией великого английского драматурга, и, как пишет историк, автор сделал героиню сумасшедшей только для того, чтобы оправдать ее достойные похороны, иначе тело Офелии не могло бы быть погребено на церковном кладбище, а только за его пределами.

Стоит отметить несколько важных моментов в связи с исследованием Б. Уден истории самоубийства. Автор на конкретно-историческом материале доказывает скоропалительность бытовавшего представления о том, что самоубийство приветствовалось в дохристианскую эпоху⁶⁹, и

---

⁶⁶ Остановливаясь на понятии «микроистория», пришедшем, по ее мнению, из антропологии, она называет книгу Бенгта Анкарло в качестве первого примера работы в Швеции в этой области. *Ankarloo*. 1988.

⁶⁷ Уден приводит пример о резком снижении количества самоубийств в Советском Союзе и в странах Балтии в кульминационные перестроечные годы (1985 – 1988), почерпнутый ею из защищенной в 1997 г. в Стокгольме диссертации эстонского врача Айри Вэрник. (*Odén*. 1998. S. 7).

⁶⁸ В книге «Образы прошлого. Сборник памяти А.Я. Гуревича» (СПб. Центр гуманитарных инициатив, 2011) напечатана статья Б. Уден «Вопрос Гуревича».

⁶⁹ *Odén*. 1998. S. 21.

категорически высказывается в пользу компаративистских исследований, а также делает выводы, возвращающие нас в современность. По мнению Уден, вовсе не изменения законодательства и культурного дискурса играли главную роль при объяснении причин добровольного лишения себя жизни: «Решающим, напротив, является возрастание роли “внутреннего я” в противовес “личности” – сложный процесс изменений, достигший кульминации в наше время, когда индивид именем свободы начал требовать право на собственную смерть, в то время как общество постепенно отказалось от ответственности за жизнь “индивида”... и нарциссистское “я” сегодня готово единолично решать: to be or not to be»⁷⁰.

От экзистенциальных вопросов добровольного ухода из жизни Уден перешла к еще менее изученному явлению – утешению, которое может получить человек, находящийся на пороге смерти. В 2009 г. вышла ее работа «Смерть и утешение в исторической перспективе», которую Биргитта Уден посвятила памяти коллеги и подруги, профессора психологии из Дании Пие Фрумхольт (Pia Fromholt).

Как пишет Уден, смерть неоднократно становилась предметом изучения теологов, философов и медиков; проблема же утешения редко рассматривалась, а сам термин «утешение» вообще подвергался сомнению с точки зрения научной релевантности. Среди ученых-историков интерес к теме смерти пробудился довольно поздно. Уден поясняет: «Смерть в своей постели не была политическим вопросом, а смерть на поле брани касалась в большей степени цифр, а не культуры»⁷¹. Эту проблематику историк может освоить только в тесном сотрудничестве с учеными из смежных, иногда не очень близких дисциплин, во всяком случае, не только в гуманитарной сфере. Уден признает, что первыми из историков изучением смерти начали заниматься французские ученые, работавшие в духе школы «Анналов» (М. Вовель и Ф. Ариес); кроме того, она ссылается на Норберта Элиаса и шведскую коллегу Эву Эстерберг. В 2004 г. центральной темой на 15-й ежегодной конференции историков стран Северной Европы была «Смерть как катарсис. Североевропейский взгляд на культуру смерти и историю ментальности». Задачу нового исследования Уден формулирует следующим образом: «Соотнести формирование утешения с представлениями о содержании смерти»⁷².

Указывая на то, что отношение к смерти менялось с течением времени и коррелировалось со степенью религиозности общества, Уден

---

⁷⁰ Ibid. S. 83.

⁷¹ *Odén*. 2009. S. 8.

⁷² Ibid. S. 10.

выделяет его основные этапы: в аграрном обществе за умирающими ухаживали родственники, в XIX в. появились отдельные клиники, а с началом строительства государства всеобщего благосостояния в больницах организовывались специальные отделения, в которых старики умирали, как правило, в одиночестве. Таким образом, смерть как бы замалчивалась и становилась невидимой. После Второй мировой войны молчанию был положен конец, однако наступила эпоха секуляризованного индивидуалистического общества. Исследования показали, что рожденные в 1930-х гг. и не получившие религиозного образования, а посему не верящие в Бога и загробную жизнь шведы, достигнут преклонного возраста к концу первого десятилетия XXI в. Поэтому Уден ставит такие вопросы: «Как изменилось содержание предсмертного утешения за время культурных изменений ментальности? Означает ли возросшая секуляризация, что психотерапия возьмет на себя роль церкви? Не стоим ли мы на пороге новой религиозности?» Она подчеркивает, что вопрос о формах утешения и его содержание является крайне важным как для самих людей, так и для здравоохранения, и политиков. Б. Уден обращает внимание читателя на тот факт, что невозможно утешить человека, стоящего на пороге небытия, обещанием, что этого не случится, кроме того «утешение необходимо как для того, кто умрет, так и для тех, кто останется жить»⁷³. И если способы утешения для переживших смерть близкого человека все же рассматривались в работах теологов, этнологов и историков, то формы утешения для умирающих почти не описывались, за исключением случаев практики ухода за больными.

Уден останавливается на традициях утешения от античности до наших дней. Отправная точка ее рассуждений – Гиппократ с его триадой: вылечить, смягчить боль, утешить, однако в изучении утешения все исследователи опираются на философа, теолога и поэта VI в. Бозция, написавшего в трактате «Об утешении философией»: «Если ты ждешь помощи от врача, ты должен показать ему свою рану»⁷⁴. Традиции позднеримского мыслителя в современной Швеции следовала Астрид Нурберг (Astrid Norberg), предложившая общую для применения ко всем страждущим модель утешения⁷⁵, которой пользуется и Б. Уден.

Итак, нуждающийся в помощи «показывает» свои раны, а утешающий должен уметь выслушать. Однако, как вытекает из опыта Уден, не только слово входит в арсенал для утешения – к нему принад-

---

⁷³ Ibid. S. 14-15.

⁷⁴ Ibid. S. 16.

⁷⁵ Norberg. 1999.

лежит и физическое прикосновение. Существенным является воздействие на психику умирающего человека музыки, изобразительного искусства, поэзии. В крайних случаях, при невыносимых страданиях смерть могла восприниматься как утешение, но в современном секуляризованном обществе мысль о радостях загробного мира уже не способна в полной мере дать утешение. К тому же новейшие методы врачевания продлевают жизнь, и в этом случае смерть тоже не воспринимается как утешение. В разделе, озаглавленном «Писать о собственной смерти», Уден утверждает свое видение умирающих как субъекта исследования: автор считает необходимым «дать им возможность своими словами описывать собственное умирание с тем, чтобы попытаться выяснить, что же является *самым важным* для них *самих*» в этой ситуации⁷⁶.

Наиболее известным случаем обнародования мыслей о жизни накануне собственной смерти являются письменные и аудиозаписи швейцарского журналиста Петера Нолля. Уден приводит примеры, когда шведский социальный работник и журналист Биргитта Эк писала дневники и письма о приближающейся смерти, а коллега с юридического факультета Лунда Анна Кристенсен, незадолго до смерти подготовила две статьи, опубликованные уже после ухода автора в мир иной, и, наконец, Уден рассказывает о своей переписке с датским психологом и личным другом Пией Фрумхольт. Неизлечимо больная, П. Фрумхольт писала Б. Уден, зная, что последняя занимается проблемами добровольного ухода из жизни и утешения, в котором нуждаются люди на пороге неизбежной смерти. Она разрешила использовать эти письма в научных целях в качестве одного из источников. В одном из посланий умирающей подруге Б. Уден называет их обеих «геронтологами-гуманитариями»⁷⁷.

На что может опереться человек, ощущающий приближение неизбежного и скорого прощания с жизнью? Это прежде всего интеллектуальный труд. Умирающая подруга интересовалась ходом работы Уден на тему «Смерть и утешение», давала советы, делилась опытом. Они обсуждали «разбег», который делает смерть перед последним прыжком, «рациональную» смерть путем самоубийства, опыт пребывания в хосписе как вариант достойного конца. Как показывают исследования, проводившиеся в Гётеборгском университете, умирающие люди в наше время не слишком интересуются вечной жизнью. Им необходимо понять смысл собственного земного пребывания⁷⁸, их угнетает перспектива потери

---

⁷⁶ Odén. 2009. S. 28.

⁷⁷ Ibid. S. 32.

⁷⁸ Ibid. S. 59.

важнейших отношений с теми, кого любишь. «Важнейшие отношения» Уден связывает с любовью, той, которая, по словам шведского историка и философа Э.Г. Гейера, «шествует по всему миру» и которая, как считал выдающийся писатель Швеции Стиг Дагерман, «лучше, чем утешение, и больше, чем философия, она составляет смысл жизни»⁷⁹.

Говоря об утешении перед смертью в современном секуляризованном обществе, в котором не всегда помогает мысль о загробном мире, и в котором утрачены адекватные формы утешения для тяжелобольных, Уден подчеркивает значение интеллектуального труда; именно он дает стимул – используя оставшееся для жизни время, завершить начатые проекты. Автор заканчивает книгу следующими словами: «Только в любви может быть найдено утешение перед неизбежной смертью»⁸⁰.

К собственному 90-летию Б. Уден выпустила книгу о своем учителе: «Стуре Булин – историк в период Второй мировой войны»⁸¹. Таким образом, юбилейный аккорд ее монографического наследия прозвучал в историографической тональности. Побуждающим импульсом к написанию работы о С. Булине было не столько желание познакомить читателя с основными этапами творчества выдающегося ученого Швеции, но, главным образом, стремление дать аргументированный ответ на несправедливую критику в его адрес, прозвучавшую в монографии Сверкера Уредссона «Университет Лунда во время Второй мировой войны». Автор этой книги утверждает, что Булин был «активным антидемократом, расистом и, кроме всего прочего, идеологом Шведского национального союза молодежи»⁸² (Sveriges nationella ungdomsförbund), который, как известно, постепенно скатился на пронацистские позиции. В статье «Шведские теологи в период нацизма» Уредссон выделяет ключевые слова, которые, по его мнению, определяют нациста: «антидемократичный, склонный к насилию, придерживающийся расистских, антисемитских взглядов и враждебный свободе в обществе и его культурной жизни»⁸³. Б. Уден категорически не согласна с приписыванием Булину подобных взглядов.

Коротко остановившись на биографических сведениях, описав консервативные политические взгляды С. Булина, Б. Уден обращает весь пафос ученого на защиту репутации любимого учителя. Делает она это по всем правилам той исторической школы, основы которой заложили братья Вейбулли. Принадлежащая старшему из братьев, Лаурицу,

---

⁷⁹ Ibid. S. 60.

⁸⁰ Ibid. S. 63.

⁸¹ *Oden*. 2011. S. 101.

⁸² *Oredsson*. 1996. S. 131-132.

⁸³ *Oredsson*. 1997. S. 167.

максима, на которой впоследствии воспитывались все студенты семинара профессора Булина гласит, что «ни политика, ни религия не должны влиять на выводы историка. Говорить должны только факты»⁸⁴.

Следуя заветам вейбулльской школы критики источников, Биргитта Уден начинает свою аргументацию с историографии вопроса и представляет перечень оценок профессиональных качеств и политических пристрастий С. Булина, данный его друзьями и коллегами. Она упоминает эпитет «гениальный», прозвучавший в адрес Булина из уст Л. Вейбулля в связи с защитой его учеником диссертации (1927). После внезапной кончины С. Булина в феврале 1963 г. ведущие шведские газеты откликнулись на его смерть. Некрологи были написаны такими видными историками Швеции, как Эрик Лённрут, Свен Ульрик Пальме, Нильс Руннеблю и Йеркер Русен. Среди авторов траурных публикаций был и личный друг покойного, выдающийся социал-демократ, премьер-министр страны Таге Эрландер. Уден опирается также на исследования историков Э. Вэрэнстама⁸⁵ и Р. Тоштендаля. Последний в своей монографии, в частности, пишет, что Стуре Булин был роялистом, убежденным консерватором, отстаивал важность национальных чувств у людей разных государств, что, однако, не делало его сторонником немецкого фашизма. Идеи Булина были почерпнуты, прежде всего, у французских консервативных политических мыслителей XIX в. Жозефа де Мэстра и Луи де Бональда⁸⁶.

По отношению к оценкам Уредссона политических воззрений С. Булина Б. Уден применяет термин «фактоид» (*faktoid*), введенный шведским литературоведом Мартином Чюльхаммаром (*Martin Kuhlhammar*) для обозначения непроверенных, ложных фактов и домыслов. Она проводит аналогии с ситуацией, в которой оказался пишущий в жанре популярной истории журналист Херман Линдквист (*Herman Lindqvist*), ошибочно приписавший нацистские взгляды видному экономическому историку Карлу-Густаву Хильдебранду (*Karl-Gustaf Hildebrand*). Но Хильдебранд был еще жив и смог постоять за себя⁸⁷. За поэта, лауреата Нобелевской премии Вернера Хейденстама, которого

---

⁸⁴ *Oden*. 2011. S. 53.

⁸⁵ *Wärenstam*. 1965.

⁸⁶ *Torstendahl*. 1969. S. 120, 152, 180.

⁸⁷ В результате первые 200 тыс. экземпляров тиража книги Х. Линдквиста были пущены под нож, а автор публично принёс свои извинения. Затем книга была напечатана без фактоида. Аналогичная ситуация произошла и с мемуарами Линдквиста, в которых он позднее попытался защищать свою ошибочную позицию. Это было замечено до поступления мемуаров в продажу, и весь тираж был уничтожен. Работа увидела свет на год позже и с внесенными исправлениями.

подозревали в симпатиях нацистскому режиму, вступился М. Чюльхаммар. Роль защитницы С. Булина взяла на себя Б. Уден. Она поставила перед собой задачу «проверить, являются ли утверждения Уредссона о том, что Булин был другом Германии, антисемитом, расистом и антидемократом, фактами или фактоидами»⁸⁸, и приводит свои аргументы, доказывая «фактоидальности» позиции своего оппонента⁸⁹.

Для Стуре Булина профессиональные научные критерии с молодых ногтей стояли на первом месте. В этой связи интересен тот факт, что, несмотря на консервативную среду, из которой вышел Булин, его выбор научного руководителя в университете Лунда выпал на либерала Лауритца Вейбуля⁹⁰. «Если попытаться суммировать политические взгляды Стуре Булина периода его юности, исходя из его собственных “официальных слов”, а также опираться на идеологический анализ, проделанный Тоштендалем, то получается, что Булин ни в коем случае не симпатизировал немцам; он был дружески настроен по отношению к французам и французскому национализму», – заключает Б. Уден⁹¹.

Говоря о педагогических принципах своего учителя, Уден рассматривает его взгляды на воспитание будущих историков: «собственные идеи и самостоятельная работа» требовались уже на семинарах Булина для первокурсников, в то время как другие профессора предпочитали метод жесткого научного руководства. В 1950-х гг. в Лунде была создана суденческая организация «Сыны Стуре Булина» (“Sture Bolins rågar”), члены которой долгие годы сохраняли память о «звезде мирового масштаба» – «историке, ставившем своей целью написание всемирной истории, а в качестве средства достижения этой цели использовавшем остроту своего ума»⁹². И если к сынам С. Булина в первую очередь можно отнести таких его выдающихся учеников, как Свен А. Нильссон, Артур Атман и Гуннар Т. Вестин, то Биргитта Уден по праву может быть названа его любимой дочерью.

Творчество Биргитты Уден за почти 60 лет научных изысканий можно с полным основанием назвать значительным, а ее вклад в историографию – выдающимся и плодотворным. В ее лице историческая наука Швеции имеет ученого многогранного, постоянно находящегося в поиске и до некоторой степени не перестающего учиться. В ее работах

---

⁸⁸ *Oden*. 2011. S. 25.

⁸⁹ *Ibid.* S. 29, 32, 37-39, 53, 56, 81.

⁹⁰ *Ibid.* S. 13.

⁹¹ *Ibid.* S. 35.

⁹² *Ibid.* S. 72.

легко найти следы не только разных методологических и инструментальных подходов, но и явное взаимодействие с другими гуманитарными и даже естественнонаучными дисциплинами. Она высказывала идеи, позднее претворявшиеся в жизнь, как в случае с коллективными научными проектами⁹³. В работе 1989 г.⁹⁴ она поднимала ставший затем злободневным вопрос о популярности исторических исследований без потери критерия научности. Дилемма «точность настоящей науки» или «живость изложения» решалась Уден в пользу удачного сочетания того и другого. Продолав путь от принципов отцов-основателей вейбульсской школы через настойчивые постижения теорий и методов социальных наук, Уден приблизилась в работах 1980–1990-х гг. к представлениям школы «Анналов», ближе всего восприняв взгляды Фернана Броделя. В 1968 г. Б. Уден писала о себе, что она не «теоретик, а практик» с «недостаточной философской подготовкой», а почти через 20 лет ратовала за большую генерализацию и теоретическую оснащенность исторической науки, подчеркивая при этом, что не является сторонницей идиографического метода⁹⁵.

За долгие годы работы Б. Уден неоднократно меняла темы исследований, всякий раз оказываясь тесно связанной с проблемами современного ей общества. Каковы бы ни были причины перехода от одной темы к другой, будь то на первых порах ее одновременное внимание как к естественным, так и гуманитарным наукам, затем смена тематики под влиянием педагогических задач и интереса самих студентов, а также ее собственного желания постичь теоретические корни и вписать себя в канву национальной исторической науки, и даже такие случайные моменты, как стремление избежать тематического пересечения с другими историками, Уден всегда отличала высокая гражданская ответственность. Ученый всегда сочетался в ней с гражданином.

Деятельность Б. Уден порой напоминает труд врача, который в интересах науки если не проводит опасный эксперимент на себе, то, меньшей мере, наблюдает за собственным организмом в период болезни. И, когда читаешь ее строки о сохранившемся (несмотря на отмену закона, обязывавшего детей заботиться о престарелых родителях) чувстве ответственности современных детей за своих стариков, слышишь голос самой Биргитты, ощущаешь ее личную заинтересованность в решении этой проблемы: «Назовите это любовью. Назовите это жалостью.

---

⁹³ *Odén*. 1963 (б). S. 420.

⁹⁴ *Odén*. 1989 (г). S. 169–170.

⁹⁵ *Odén*. 1968 (б). S. 25; *Över gränser...* S. 4.

Назовите это большой совестью. Чувство ответственности существует. Изменились лишь его формы и содержание»⁹⁶.

В 2005 г. в связи с присуждением Б. Уден «Большой премии по геронтологии» журналист С. Столь (Solveig Ståhl) написала, что «Уден всегда опережала свое время и искала исторические корни современных общественных проблем»⁹⁷. И с этим нельзя не согласиться.

Практическая деятельность Б. Уден, сопряженная с работой в правительственных и научных комитетах, ее уверенность в том, что ученые-историки должны влиять на политиков⁹⁸, сочетались с твердым убеждением, что историка должен характеризовать не только критический подход к действительности, но и стремление к созиданию чего-то нового⁹⁹. Еще в статье «История и общество» (1968) Уден призывала Клио не уподобляться вечно оборачивающейся назад жене Лота и ратовала за обращенность музы истории к проблемам современного общества¹⁰⁰.

Выражая твердую уверенность в интегрирующей функции истории, Б. Уден неоднократно выдвигала требование достижения взаимодействия между различными историческими дисциплинами, выступала противницей ухода в узкую специализацию, понимая под ней мелкотемье и ограниченность рамками небольшого хронологического периода.

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть отличительную черту методики Б. Уден – абсолютно естественно вытекающую из ее научного подхода междисциплинарность. Обращает на себя внимание заглавие выпущенной к ее 65-летию книги «Преодолевая границы», в которой коллеги Биргитты Уден отмечают ее плюрализм, готовность и способность поддерживать новые идеи и открывать новые исследовательские поля, преодолевая тем самым границы отдельных дисциплин¹⁰¹. Сама Б. Уден в предисловии к шведскому изданию книги Питера Бёрка о школе «Анналов», писала: «На тех, кто решался преодолевать границы, смотрели скептически, как на дилетантов и узурпаторов, что, надо отдать должное, имело место. Это заложено в самой природе междисциплинарности»¹⁰². Вместе с тем она подчеркивала, что именно такой «дилетантизм» предполагает достижение синтеза.

---

⁹⁶ *Odén, Svanborg, Tornstam.* 1993. S. 79.

⁹⁷ *Stål.* 2005. S. 22.

⁹⁸ *Odén.* 1968 (a). S. 209.

⁹⁹ *Över gränser...* S. 8.

¹⁰⁰ *Odén.* 1969. S. 87.

¹⁰¹ *Över gränser...* S. IX.

¹⁰² *Burke.* 1992. S. 13.

Б. Уден неизменно проповедовала общественную значимость исторической науки: «Я считаю, что история всегда выполняет общественную функцию... Историки должны показывать рамки альтернативного истолкования фактов и поднимать их до уровня дискуссии так, чтобы было видно, каковы эти альтернативные возможности для толкования изменений в обществе»¹⁰³. За те 20 с лишним лет, что Биргитта Уден была профессором, произошли огромные сдвиги от элитарной профессорской замкнутости университетов до утверждения новой организации профессиональных историков и достижения массовости высшего образования. В это изменение внесла свой вклад и Б. Уден: с ее помощью были созданы материальные и институциональные предпосылки новых исследований внутри и вне традиционных для историков рамок.

Б. Уден осознанно занимает ответственную гражданскую позицию, ощущая тесную связь истории с жизнью. Ею движет желание, используя профессиональные знания, приносить пользу обществу, будь то работа в совещательном органе при правительстве, где с ее участием создавались программы высшего образования и подготовки кадров в области гуманитарных наук, или исследования по проблемам окружающей среды и положению стариков. Отмечая с некоторым сожалением, что иногда она много «прыгала», меняя тематику исследований, Уден заключает: «Это не я, это общество прыгало».

Однажды, говоря об истории ментальностей, она заметила: «Сама я больше интересуюсь ментальностью, которая приводит к действию». Б. Уден выполнила профессиональный и моральный долг как перед своими предшественниками, так и перед обществом в целом, еще раз продемонстрировав, что ее творчество всегда было пронизано гармонией личного и общественного.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ankarloo B. Att stilla herrevrede. Trolldomsdåden på Vegeholm 1653–1654. Stockholm, 1988.

Burke P. Annales-skolan. En introduktion. Göteborg, 1992.

De äldre i samhället: förr, nu och i framtiden. Presentation av ett projekt // Humanistisk Forskning, 1978. Nr 1.

Emigrationen fra Norden indtil Første Verdenskrig // Beretning foredrag og forhandlinger ved det nordiske historikermøde i København 1971, 9–12 august. København, 1971.

En ren framnid. Vårt ansvar för miljön. Malmö, 1988.

Gerner K., Lundgren L. Planhushållning och miljöproblem. Sovjetisk debatt om natur och samhälle 1960–1976. Helsingborg, 1978.

Historia och samhälle. Studier tillägnade Jerker Rosén. Malmö, 1975. S. 179–208.

---

¹⁰³ Över gränser... S. 3.

- Historieämnen – en lägesrapport av beredningsgruppen för historia vid HSFR // HSFR-NYTT. Stockholm, 1986.
- Hobsbawm E.J. From Social History to the History of Society // Daedalus. 1971. Vol. 100. N 1. P. 20-45.
- Karlegård C. Toftenow H. Miljöhistoria. Lund, 1990, S. 7-8.
- Kulturvetenskaperna i framtiden. HSFR: s rapport till regeringen. Stencil HSFR. 1986, Jan.
- Lönnroth E. Statsmakt och statsfinans i det medeltida Sverige. Studier över skatteväsen och länsförvaltning. Göteborg. 1940.
- Lundgren L., Odén B., Oredsson S. The Use of Nature as Politics. Lund, 1979.
- Methods in the Study of Man in his Environment. Report for the XIV International Congress of Historical Science. Sector II: Methodological Problems. Berkeley, 1975.
- Norberg A. Fenomenet tröst. Utveckling av en teoretisk modell. Projektansökan. 1999.
- Odén B. Rikets uppbörd och utgift. Statsfinanser och finansförvaltning under senare 1500-talet. Lund, 1955.
- Odén B. Kopparhandel och statsmonopol: studier i svensk handelshistoria under senare 1500-talet. Stockholm, 1960.
- Odén B. Emigration från Norden till Nordamerika under 1800-talet. Aktuella forskningssuppgifter // Historisk tidskrift. 1963 (a). Nr. 3.
- Odén B. Socialhistoria i blickpunkten // Historisk tidskrift. 1963 (6). N 4.
- Odén B. Kronohandel och finanspolitik 1560–1595. Lund, 1966.
- Odén B. Clio mellan stolarna // Historisk tidskrift. 1968 (a). N. 2.
- Odén B. Historiens plats i samfundsforskningen. Ett diskussionsinlägg // Statsvetenskaplig tidskrift. 1968 (6). Häfte 1.
- Odén B. Historia och samhälle // Människa och materia. Lundaforskare föreläser. Lund, 1969.
- Odén B. Åra, minne och vetenskapsteori // Scandia. 1973 (a). Bd. 39.
- Odén B. Historia som forskningsprocess // Scandia. 1973 (6). Bd. 39.
- Odén B. Det moderna historisk - kritiska genombrottet i svensk historisk forskning // Scandia. 1975 (a). Bd. 41.
- Odén B. Lauritz Weibull och forskarsamhället. Lund, 1975 (6).
- Odén B. Scandia - tidskrift för en annan uppfattning // Historia och samhälle. Studier tillägnade Jerker Rosén. Malmö, 1975 (b).
- Odén B. Forskarutbildningens resultat 1890-1975. Preliminär version. Delrapport 9:1 inom UHÅ – projektet «Forskarutbildningens resultat 1890–1975». Lund, 1982; Delrapport 9:2, Lund, 1982.
- Odén B. Barndomens historia – och ålderdomens. Lund, 1987. Del. 1.
- Odén B. Annales - skolan och det svenska forskarsamhället. (Предисловие к переводу с французского: Le Goff J., Nora P. Att skriva historia. Stockholm, 1978).
- Odén B. Ekologiska frågor i ett historiskt perspektiv // Biologen. 1989 (a). Nr 3.
- Odén B. Forskarutbildning och politik // Universitet och samhälle. Festskrift till Eskil Björklund. Stockholm, 1989 (6).
- Odén B. Miljön som historia // Historisk tidskrift för Skåneland. 1989 (b). Nr 2.
- Odén B. Vad kan vi veta om en försvunnen värld? // Kan vi lita på vetenskapen? En bok om vetenskapen och sanningen. Stockholm, 1989 (r).
- Odén B. Studying the elderly in society // Swedish research in a changing society. The Bank of Sweden. Tercentary Foundation 1965–1990 / Ed. by Kjell Härngvist, Nils-Erik Svensson. Hedemora, 1990.
- Odén B. Äldre som tema i historisk forskning // Socialmedicinsk tidskrift. 1991 (a).

- Odén B.* Forskarutbildningens förändringar 1890–1975. Historia, Statskunskap, Kulturgeografi, Ekonomisk historia. Lund, 1991 (6).
- Odén B.* Människan och miljön: Historiografiska traditioner och trender // Människan och miljö. XXI Nordiska historikermötet 1991. Umeå, 1991 (B).
- Odén B.* Relationer mellan generationerna. Rättsläget 1300-1900 // Maktpolitik och husfrid. Studier i internationell och svensk historia tillägnade Göran Rystad. Lund, 1991 (r).
- Odén B.* Miljöhistoria i ett långsiktigt perspektiv // Historielärarnas Förening: Aktuellt om historia. 1992.
- Odén B., Svanborg A., Tornstam L.* Att åldras i Sverige. Stockholm, 1993.
- Odén B.* Leda vid livet. Fyra mikrohistoriska essäer om självmordets historia. Lund, 1998.
- Odén B.* Döden och trösten i historiskt perspektiv. Lund, 2009.
- Oden B.* Sture Bolin – historiker under andra världskriget. Stockholm. 2011.
- Odén B.* Äldre genom tiderna. Åldrande och äldrepolitik som en historiker ser det. Stockholm, 2012.
- Odén B., Svanborg A., Tornstam L.* Äldre i samhället: förr, nu och i framtiden. Del.1: Teori och forskningsansatser; Del.2: Probleminventeringar. Stockholm, 1982, 1983.
- Odén B., Svanborg A., Tornstam L.* Att åldras i Sverige. Stockholm: Natur och kultur, 1993.
- Oredsson S.* Lunds universitet under andra världskriget. Motsättningar, debatter, hjälpinsatser. Lund, 1996.
- Oredsson S.* Svenska teologer under nazitiden // Svensk teologisk kvartalskrift. 1997.
- Över gränser. Festskrift till Birgitta Odén. Lund: Lunds universitet, 1987. 509 s.
- Stål S.* Sticker ut hakan i äldredebatten // Tvärsnitt. Humanistisk och samhällsvetenskaplig forskning. 2005. N 2.
- Torstendahl R.* Källkritik och vetenskapssyn i svensk historisk forskning 1820–1920. Stockholm, 1964.
- Torstendahl R.* Mellan nykonservatism och liberalism. Idébrytningar inom högern och bondepartierna 1918–1934. Stockholm, 1969.
- Torstendahl R., Odén B.* Den weibullska riktningen. // Historieskrivningen i Sverige. Lund, 2012.
- Wärenstam E.* Sveriges nationella ungdomsförbund och högern 1928–1934. Stockholm, 1965.
- Тоштендаль-Салычева Тамара Алексеевна** – кандидат исторических наук, директор Российско-шведского учебно-научного центра РГГУ; *tamarats@inbox.ru*